

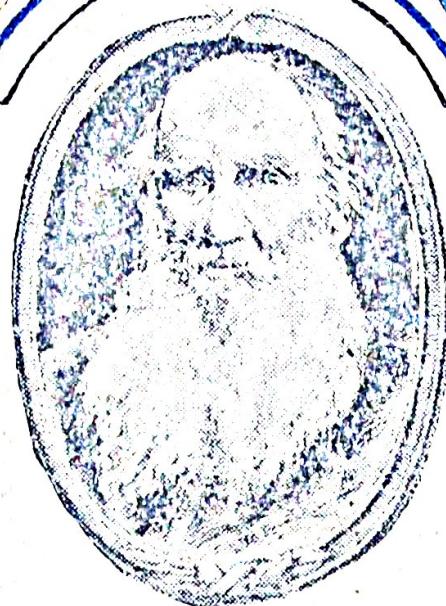
833 (2 РОС-РУД) 6

Г 53

В ПОМОЩЬ АКТОРУ

ПРЕДСЛОВИЕ

СВИДЕТЕЛЬСТВО

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ
ТОЛСТОЙ

→ МОСКВА 1948 ←

66 83.3 (2Рос=Рус) 1

Т 53

157

КОМИТЕТ ПО ДЕЛАМ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫХ
ЧРЕЖДЕНИЙ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ РСФСР

Управление лекционной пропаганды

В помощь лектору

Библиотека

1949 г.

86

Т 51

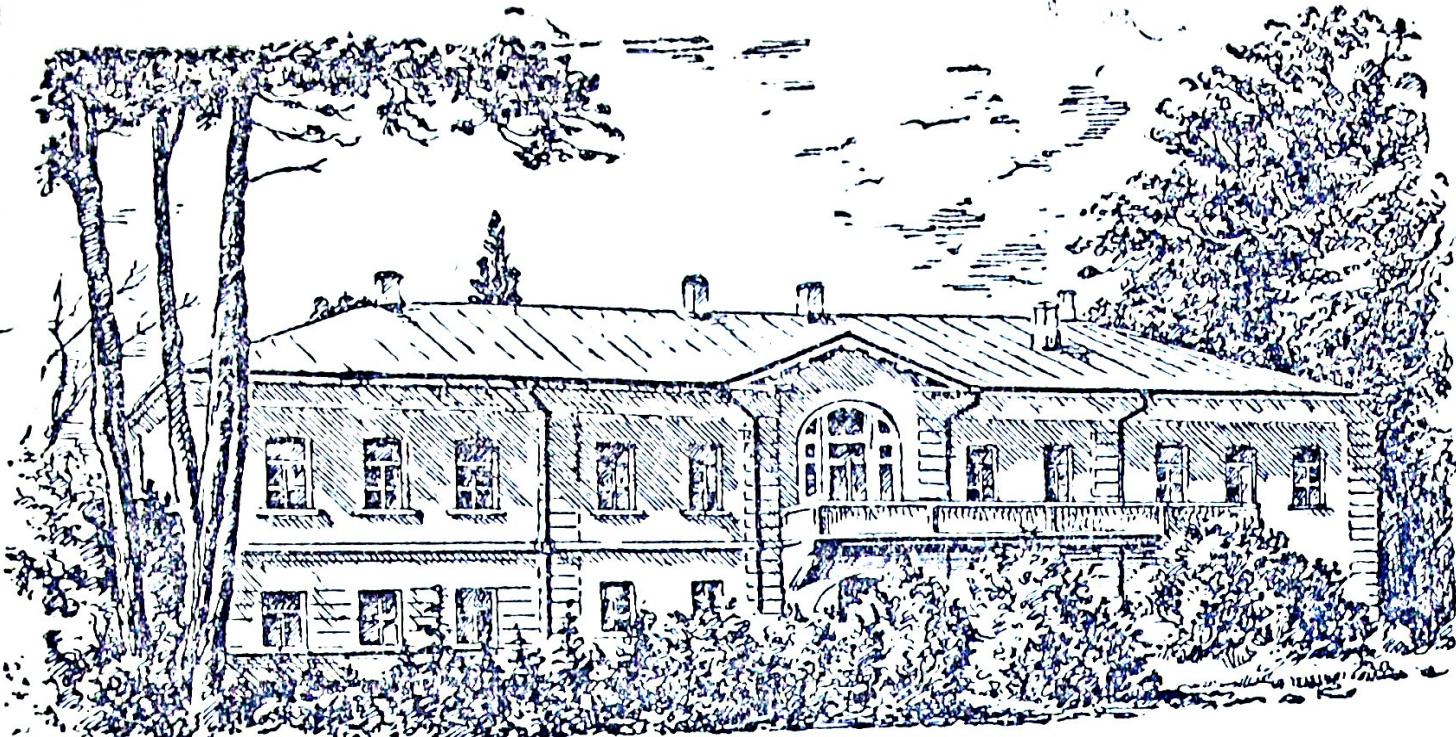
ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ
ТОЛСТОЙ

Ц 172642-1 ТФ
2476

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва—1946

МУК «Тульская

Библиотечная система»

Н. Н. Гусев

Л. Н. ТОЛСТОЙ

I

Лев Николаевич Толстой еще при жизни был назван другим замечательным русским писателем, его современником, Иваном Сергеевичем Тургеневым, „великим писателем русской земли“. И это наименование осталось за ним при жизни и утвердились после смерти. Но Толстой не остался великим писателем одной только русской земли: он всеми признан величайшим мировым гением.

В. И. Ленин в одной из своих статей о Толстом отмечал, что „... Л. Толстой сумел поста-

вить в своих работах столько великих вопросов, сумел подняться до такой художественной силы, что его произведения заняли одно из первых мест в мировой художественной литературе".¹

Очень выразительна характеристика, которую Ленин дал Льву Толстому устно в беседе с А. М. Горьким. Горький, придя однажды к Ленину, застал его за перечитыванием „Войны и мира“. Разговор между Лениным и Горьким зашел о Толстом. Ленин сказал: „Какая глыба, а? Какой матерый человечище? Вот это, батенька, художник... И знаете, что еще изумительно! До этого графа подлинного мужика в литературе не было...— „Кого в Европе можно поставить рядом с ним?“— задал вопрос Ленин. И сам ответил на него: „Некого“.²

К величайшим представителям культуры русского народа отнес Льва Толстого И. В. Сталин. В своем докладе 6 ноября 1941 г.³ И. В. Сталин заклеймил немецких фашистов, которые „имеют наглость призывать к уничтожению великой рус-

¹ В. И. Ленин. „Л. Н. Толстой“. Сочинения, т. XIV, стр. 400.

² М. Горький. „В. И. Ленин“. Статья в сб. „О Ленине“. М. 1939, стр. 44.

³ Доклад о 24 годовщине Великой Октябрьской Социалистической Революции на торжественном заседании Московского Совета Депутатов трудящихся.

Л. Н. Толстой и А. М. Горький в Ясной Поляне.
1900 г.

ской нации, нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сечинова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова”.

А. М. Горький в своей „Истории русской литературы“ отвел Л. Н. Толстому особую главу, в конце которой говорит: „Шестьдесят лет звучал суровый и правдивый голос, обличавший всех и все; он рассказал нам о русской жизни почти столько же, как вся остальная наша литература... Книги его останутся в веках, как памятник упорного труда, сделанного гением... Толстой—это целый мир... Не зная Толстого—нельзя считать себя знающим свою страну, нельзя считать себя культурным человеком“.¹

II

Лев Толстой родился 28 августа (9 сентября)² 1828 года в усадьбе Ясная Поляна, Крапивенского уезда, Тульской губернии, в 15 километрах от Тулы, в семье графа Николая Ильича Толстого, помещика среднего достатка. Мать его,

¹ М. Горький. „История русской литературы“. Гослитиздат, М. 1939, стр. 295—296.

² Все даты до 1917 г. даны по старому стилю, в скобках—новый стиль.

Мария Николаевна, была урожденная Волконская. Лев Николаевич не помнил своей матери. Она умерла, когда ему было только два года.

Первоначальное воспитание и обучение Лев Николаевич по обычай того времени получил дома: у него были гувернёры—русские, французы, немцы. С детских лет мальчик вступил в общение с трудовым народом, окружавшим его в Ясной Поляне, и, как изображенный им в романе „Анна Каренина“ Левин, он „с молоком бабы кормилицы“ впитал в себя любовь к русскому трудовому крестьянству.

Литературные задатки будущий писатель обнаружил еще в раннем детстве. Одиннадцатилетним мальчиком он написал первое литературное произведение—стихи, посвященные своей воспитательнице Ергольской.

Толстому было около 9 лет, когда умер его отец. Назначена была опекунша, его родная тетка, сестра его отца, бывшая замужем за казанским помещиком Юшковым. Она с мужем жила в Казани, куда и отвезла всех своих опекаемых—четырех братьев Толстых, из которых Лев был младшим, и сестру.

Шестнадцати лет Лев Николаевич поступил в Казанский университет, сначала на факультет восточных языков, имея в виду дипломатическую службу. Но этот факультет изобиловал не инте-

ресными для Толстого науками. Занятия шли слабо, и на другой год он перешел на юридический факультет.

Казанский университет в том виде, в каком он существовал тогда, не мог удовлетворить жажду знаний Толстого, и он оставил университет, выйдя со второго курса. Отсутствие университетского диплома не помешало, однако, Толстому впоследствии сделаться одним из образованнейших людей своего времени. Путем самостоятельного чтения и изучения Толстой приобрел огромные и глубокие знания по различным отраслям науки и литературы.

По выходе из университета для Толстого начинается пора исканий, мятежная пора юности. В течение четырех лет он не находит себе определенного практического дела: то думает поступить на гражданскую службу, то на военную, живет то в Москве, то в Петербурге, то в Туле. Душевно он тоже неспокоен. Этот тревожный период жизни Толстого кончился тем, что на двадцать третьем году он вместе со своим старшим братом Николаем Николаевичем уезжает на Кавказ и поселяется там в станице Старогладковской, Терской области, в простой казачьей избе.

Здесь Толстой проводит время с казаками и мирными чеченцами. Особенно подружился он со старым казаком дядей Епишкой, которого впо-

следствии изобразил в своей повести „Казаки“ под именем дяди Ерошки.

Кавказская природа со своими красотами, люди, населявшие Кавказ, с их близостью к природе, с их простотой и естественностью, пленили Толстого. Они были ему особенно милы после светского общества, в котором он вращался в Петербурге и Москве и фальшь, лицемерие и ложь которого были ему противны.

На Кавказе Толстой поступил на военную службу. Ему приходилось участвовать в набегах против горцев и неоднократно подвергаться смертельной опасности. Он был артиллеристом. Однажды неприятельское ядро ударило в колесо той пушки, которую наводил Толстой, так что, если бы ядро несколько отклонилось, он был бы убит. В другой раз он чуть не попал в плен к чеченцам и был спасен во время подоспевшим отрядом. Этот случай он впоследствии описал в своем рассказе для детей „Кавказский пленник“.

На Кавказе началась и литературная деятельность Толстого. Здесь он написал первую законченную повесть автобиографического содержания — „Детство“.

Толстой работал над ней более года, три раза собственноручно ее переписал; в четвертой редакции повесть была послана в журнал „Современник“. Редактор журнала, знаменитый писа-

тель и поэт Н. А. Некрасов сразу угадал в начи-нающем авторе крупный талант. Повесть была напечатана в „Современнике“ за 1852 год и вызвала самые сочувственные отзывы читателей и критики. Толстой начал свою литературную дея-тельность с произведения зрелого характера, с произведения самобытного. Он сразу занял свое особое, только ему одному принадлежащее место в литературе. У Толстого не было ни под-ражательного периода, ни слабых опытов.

За повестью „Детство“ последовал рассказ из военного быта „Набег“, замечательный тем, что в нем Толстой дал характерный образ русского капитана Хлопова, в котором видел воплощение лучших свойств русской храбрости. В сражени-ях с горцами,— пишет Толстой,— „капитан был таким же, как всегда: те же спокойные дви-жения, тот же ровный голос, то же выраже-ние бесхитростности на его некрасивом, но про-стом лице“.

Толстой противопоставляет своего капитана французским героям, говорившим разные громкие слова и изречения. Капитан таких изречений не говорил потому, что — пишет Толстой — „когда человек чувствует в себе силы сделать вели-кое дело, какое бы то ни было слово не нужно“.

„Это, по моему мнению,— заключает Толстой

свою характеристику капитана,—особенная и высокая черта русской храбрости“.

Образом капитана Хлопова Толстой начал целую галерею положительных типов русских офицеров, особенно ярко изображенных им в романе „Война и мир“.

III

Толстой пробыл на Кавказе два с половиной года. Осенью 1853 года Россия объявила войну Турции. Толстому хотелось видеть и принять участие в большой войне, и он добровольно переселся в действующую Дунайскую армию, которая стояла в то время в Румынии.

Здесь Толстой заканчивает и отсылает в редакцию „Современника“ продолжение „Детства“—повесть „Отрочество“; здесь же им был написан второй военный рассказ „Рубка леса“. Давши в рассказе „Набег“ характеристику храбрости русского офицера, Толстой в рассказе „Рубка леса“ дает характеристику русского солдата. Здесь он говорит: „Дух русского солдата не основан так, как храбрость южных народов, на скоро воспламеняющем и остывающем энтузиазме: его так же трудно разжечь, как и заставить упасть духом. Для него не нужны эффекты, речи, воинственные крики, песни и барабаны: для него нужны, напротив, спокойствие, порядок и отсут-

ствие всего натянутого. В русском, настоящем русском солдате, никогда не заметите хвастовства, ухарства, желания отуманиться, разгорячиться во время опасности: напротив, скромность, простота и способность видеть в опасности совсем другое, чем опасность, составляют отличительные черты его характера".¹

Из Дунайской армии Толстой добровольно перевелся в Севастополь, в то время уже осажденный союзниками Турции—Англией и Францией.

В Севастополе Толстого назначают на самую опасную позицию—на так называемый четвертый бастион. Толстой был восхищен тем духом спокойного мужества, который царил в осажденном городе, которым были охвачены и солдаты, и моряки, и офицеры, защищавшие Севастополь. В состоянии восторга он пишет замечательное письмо своему брату Сергею Николаевичу,— письмо, которое служит драгоценным документом, свидетельствующим о высокой нравственной силе русских людей, оборонявших Севастополь:

„Дух в войсках выше всякого описания. Во времена древней Греции не было столько геройства. Корнилов², объезжая войска, вместо „Здорово,

¹ Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений, т. 3. М. 1932, стр. 71.

² Один из главных участников Севастопольской обороны.

ребята!“ говорил: „Нужно умирать, ребята, умрете?“ И войска кричали: „Умрем, ваше превосходительство! Ура!“ И это был не эффект, а на лице каждого видно было, что не шутя, а *взаправду*, и уже 22. 000 исполнили это обещание. Раненый солдат, почти умирающий, рассказывал мне, как они брали французскую батарею и их не подкрепили; он плакал навзрыд. Рота моряков чуть не взбунтовалась за то, что их хотели сменить с батареи, на которой они простояли 30 дней под бомбами. Женщины носят воду на бастионы; многие убиты и ранены... Чудное время!—заканчивает Толстой свое письмо.— Мне не удалось ни одного раза быть в деле, но я благодарю бога за то, что я видел этих людей и живу в это славное время”.¹

И Толстой пишет свой первый замечательный очерк „Севастополь в декабре 1854 года“.

Толстой далек от всякой идеализации войны, от приукрашивания ее, к чему так склонны были до него многие писатели и поэты. Перед описанием госпиталя он предупреждает читателя: „Вы увидите ужасные, потрясающие душу зрелища, увидите войну не в правильном, красивом и блестящем

¹ Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений. Гослитиздат, т. 59, М. 1935, стр. 281—282.

строе, с музыкой и барабанным боем, с разевающимися знаменами и гарцующими генералами, а увидите войну в настоящем ее выражении: в крови, в страданиях, в смерти“.

Именно Толстому—первому не только в русской, но во всей мировой литературе—принадлежит заслуга дать реальную, действительную картину войны, картину, лишенную всякого внешнего эффекта, всякого блеска, рисующую войну такой, какая она есть. С другой стороны, Толстой дает яркие, написанные с искренним восхищением картины мужества и героизма русских людей, которые „с наслаждением готовились умирать“ за родину. Он заканчивает свой замечательный очерк словами: „Итак, вы видели защитников Севастополя на самом месте защиты и идете назад, почему-то не обращая никакого внимания на ядра и пули, продолжающие свистеть по всей дороге,—идете с спокойным, возвышившимся духом. Главное отрадное убеждение, которое вы вынесли, это убеждение в невозможности... поколебать где бы то ни было силу русского народа... То, что они делают,—делают они так просто, так мало напряженно и усиленно, что вы убеждены, они еще могут сделать во сто раз больше... они все могут сделать... Надолго оставит в России великие следы эта эпопея Севастополя, героем которой был народ русский“.

Со всей силой и с полной определенностью Толстой утверждает, что именно народ был героем защиты Севастополя.

Во втором очерке, „Севастополь в мае“, дается описание одного дела, происходившего в мае 1855 года. В третьем очерке „Севастополь в августе“ — описана уже сдача Севастополя, очевидцем которой был Толстой. Заключение этого рассказа иллюстрирует мысль Толстого о том, что действительно невозможно поколебать моральную силу русского народа. Описывая настроение солдат после сдачи Севастополя, Толстой говорит:

„Выходя на ту сторону моста, почти каждый солдат снимал шапку и крестился. Но за этим чувством было другое, тяжелое, сосущее и более глубокое чувство: это было чувство, как будто похожее на раскаяние, стыд и злобу. Почти каждый солдат, взглянув с северной стороны на оставленный Севастополь, с невыразимою горечью в сердце вздыхал и грозился врагам“.

„Севастопольские рассказы“ еще более упростили литературную известность Толстого. Этими рассказами, по свидетельству критиков того времени, восхищалась вся читающая Россия.

Рассказ „Севастополь в мае“ кончается такими словами: „Герой моей повести, которого я люблю

всеми силами души, которого старался воспроизвести во всей красоте его и который всегда был, есть и будет прекрасен,—правда". Эти слова можно считать девизом всей дальнейшей литературной деятельности Толстого. Слова эти привели в восхищение Некрасова, который 2 сентября 1855 года писал Толстому: „Это именно то, что нужно теперь русскому обществу: правда,—правда, которой со смертью Гоголя так мало осталось в русской литературе. Вы правы, дорожа всего более этою стороною в вашем даровании".¹

IV

В 1855 году, по окончании Крымской войны, Толстой приехал в Петербург и уже больше на военную службу не возвращался. Он решает посвятить себя литературе и сближается с передовыми писателями того времени.

В 1856—1857 годах появляются в журналах его новые произведения: „Метель", „Два гусара", „Утро померанца", „Встреча в отряде с московским знакомым" („Разжалованный") и последняя часть автобиографической трилогии — повесть „Юность".

¹ Н. А. Некрасов. Собрание сочинений, т. V, ГИЗ, 1930, стр. 219—220.

В 1856 году была напечатана в „Современнике“ статья о творчестве Толстого знаменитого критика, революционера-демократа Н. Г. Чернышевского. Эта замечательная статья не потеряла своего значения и для нашего времени. В ней Чернышевский ставит вопрос—в чем особенность художественного дарования Толстого, и отвечает на этот вопрос так: Толстого более всего занимает „самый психический процесс, его формы, его законы,—диалектика души, чтобы выразиться определительным термином“.

Мысль Чернышевского состоит в том, что Толстой является непревзойденным мастером в описании тончайших душевных движений, душевых состояний, иногда противоречивых, сменяющих одно другое часто в очень короткий промежуток времени. Несомненно, что Чернышевский был глубоко прав, давая такую характеристику творчества Толстого.

Второй особенностью творчества Толстого Чернышевский считал „непосредственную чистоту нравственности чувства“. Эта „свежесть нравственного чувства“,—говорит Чернышевский,—„придает поэзии особенную, трогательную и грациозную очаровательность“.

Чернышевский заканчивает свою статью замечательным пророчеством: „Мы предсказываем, что все, данное доныне графом Толстым нашей

литературе,—только залоги того, что совершил он впоследствии“.¹

В 1857 году Толстой поехал за границу, где пробыл шесть месяцев. Через три года он предпринял второе заграничное путешествие, продолжавшееся десять месяцев. Толстой посетил Францию, Швейцарию, Бельгию, Германию, Англию, Италию. Он жадно впитывал в себя все впечатления европейской жизни, но поклонником западноевропейской буржуазной культуры Толстой не сделался. Он не нашел в странах Западной Европы той свободы, в борьбе за которую было пролито столько крови. Наряду с высоким уровнем техники, материальной культуры, он увидел там такую же жестокость правящих классов к трудовому народу, какую он видел в крепостнической России, только в более смягченных формах. Свое негодование против западноевропейской буржуазной лжецивилизации Толстой излил в небольшом рассказе „Люцерн“. Этот рассказ был назван Толстым по имени того швейцарского города, где он был свидетелем поразившего его случая, как бедный странствующий певец долгое время пел под окнами гостиницы, как богатые путешественники слушали, наслаж-

¹ Н. Г. Чернышевский. „Детство и отрочество“ Л. Н. Толстого“. Избранные сочинения, т. IV, ГИЗ, М. 1930, стр. 478.

дались его пением, а когда он умолк и пошел по их рядам с молчаливой просьбой дать что-нибудь на хлеб насущный, никто из этих разодетых господ и дам не дал ему ни одного гроша.

Вслед за рассказом „Люцерн“ Толстой пишет ряд других замечательных произведений: „Альберт“ — блестящий рассказ о музыкальном вдохновении; „Три смерти“ — яркое противопоставление спокойного, твердого отношения к неизбежной смерти человека из трудового народа, ямщика, и жадно цепляющейся за жизнь богатой барыни, умирающей трусливо; повесть „Семейное счастье“ — тонкое изображение психологии замужней женщины.

Осенью 1859 года занятия Толстого резко меняются. На некоторое время вместо известного писателя графа Льва Николаевича Толстого на сцену выступает Лёв Николаевич — школьный учитель. На три года педагогика становится главным интересом его жизни. Толстой созывает к себе в дом босоногих яснополянских ребят — мальчиков и девочек и с величайшим увлечением занимается обучением их. Он пишет педагогические статьи, издает педагогический журнал „Ясная Поляна“. Эти труды Толстого остались крупный след в истории не только русской, но и мировой педагогики. Школа, как творческая